

О.Н. НЕТРЕБСКАЯ

*Кандидат философских наук, доцент кафедры «История искусств и гуманитарные науки» МГХПА им. С.Г. Строганова
e-mail: onetr@mail.ru*

O.N. NETREBSKAYA

*Candidate of philosophy, assistant professor of the department of «History of arts and humanitarian sciences» of the Stroganov Academy (MGHPA)
e-mail: onetr@mail.ru*

СОФИЙНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ВЛ. СОЛОВЬЁВА

SOPHIA CHARACTER OF THE ARTISTIC AND AESTHETIC VIEWS OF VLADIMIR SOLOVYEV

В статье рассматривается вопрос о специфике художественно-эстетических взглядов В.С.Соловьёва, которые были восприняты и развиты его последователями. Выявлено, что данные особенности находят свое наиболее полное выражение в таких понятиях, как теургия и софийность, применимых и к русской религиозной философии конца XIX — начала XX века в целом. Также показано, что эстетические воззрения Вл.Соловьёва органично вплетены в основную тему всего его творчества — тему всеединства и целостного знания, а также связаны с его учениями о Софии — Премудрости Божией и Богочеловечестве. Теургия, понимаемая при этом как продолжение дела Бога, но совершаемое уже Богом совместно с человеком, — сотворчество, предполагает духовный организм, объединяющий людей, через который Бог реализует свою творческую силу — Богочеловека. С другой стороны, отталкиваясь от трактовки Соловьёвым личности Софии как творческого начала Универсума и вдохновительницы человеческого художественного творчества, автор в статье обосновывает идею софийности как выражения наивысшего творческого потенциала и мощи. Обращение к софиологии значимо для Вл.Соловьёва и его преемников в свете рассмотре-

ния проблемы достижения жизненного идеала — софийно преображенного мира, приведения падшего бытия к спасению через культуру и творчество. Так что софийность знаменует собой преобразовательную миссию красоты. Именно с этой позиции Соловьёв развивает свое учение о прекрасном.

В статье также отражена включенность концепции Соловьёва в общекультурный мировой процесс: указан ряд европейских мыслителей, оказавших значительное влияние на его эстетику; а также философы — последователи Соловьёва в воззрениях на прекрасное.

The specifics of Vladimir Solovyev's artistic and aesthetic views are regarded in this paper. These views were further perceived and developed by his followers. It is revealed that these features find their fullest expression in such notions as Theurgy and Sophiology applicable to the Russian religious philosophy of the late XIX — early XX century as a whole. It is also shown that the aesthetic views of Solovyev organically involved into the main themes of all his work — the theme of unity and holistic knowledge, as well as related to his concepts of Sofia — the Wisdom of God and God-human. Theurgy, comprehended in this case as a continuation of the God's work, but now the work of God jointly with man — their co-creation, involves a spiritual organism that unites people, through which God realizes his creative power — the God-human. On the other hand, taking into account Solovyev's interpretation of Sofia's personality as a creative principle of the Universe and inspirer of human artistic creativity, the paper substantiates the idea of Sofia as an expression of the highest creative potential and power. V.S.Soloviev and his successors appealed to sophiology as the means of consideration of the problem of achieving the ideal life — sophiological transformation of the world, bringing it to salvation through culture and creativity. So Sophiology marks a transformative mission of beauty. This is just the position from that Solovyev develops his doctrine of beauty.

The inclusion of Solovyev's concept into the general cultural world process is also reflected in the issue: a number of European thinkers who had a significant impact on his aesthetics, as well as philosophers — his followers are mentioned.

Ключевые слова: эстетическое, художественное творчество, всеединство, Богочеловек, теургия, софийность, культура, преобразующая мощь.

Keywords: aesthetic, artistic creativity, unity, God-human, theurgy, sophiology, culture, transfigurative power.

Русские мыслители XIX — начала XX в. проявляли подлинный интерес к художественному творчеству, размышляли о красоте и искусстве, создавали оригинальные эстетические теории. В этой связи можно вспомнить такие имена, как В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев и др. Наши знаменитые прозаики Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский также не обошли эту тему своим вниманием.

Существенный вклад в дело осмысления искусства внесли представители Серебряного века или, как его еще называют, века русского религиозного ренессанса — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, С. Франк, Е. Трубецкой, А.Ф. Лосев и др. Однако, обсуждая именно этот период развития русской философской мысли о прекрасном, справедливо начать с выдающегося русского мыслителя XIX века Владимира Соловьёва (1853–1900) — крупнейшего русского философа, религиозного мыслителя, поэта, публициста и критика, о котором можно сказать, что именно он «задал тон» русской эстетике.

Свои эстетические взгляды Соловьёв изложил в работах «Красота в природе» (1889), «Общий смысл искусства» (1894), «Первый шаг к положительной эстетике» (1894) и «Что значит слово «живописность»?» (1897), цикле статей о поэзии Пушкина, Тютчева, Фета, Мицкевича и др. В них он исследует многообразные проявления эстетического в природной и духовной действительности и, прежде всего, эстетическую сущность искусства. «Все эти труды, а также эстетические фрагменты из произведений “Философские начала цельного знания”, “Критика отвлеченных начал”, “Чтения о Богочеловечестве”, “Три речи в память Достоевского”, являются своего рода набросками к задуманной Вл.Соловьёвым целостной теории эстетического знания, завершить которую ему помешала смерть» [16]. Однако в ней уже четко наметились и ярко проявились исключительные черты всего последующего философствования о красоте в русской культуре — понимание ее как совершенствующей, преобразовательной силы и усмотрение совместного участия Бога и человека в процессе преобразования мира. Данные особенности

воззрений на прекрасное и творчество находят выражение в понятии теургия.

В философской системе Соловьёва красоте отведена первостепенная роль. Во-первых, именно благодаря ей существует материальный мир, т.к. красота расценивается мыслителем как идеальная причина существования материи [10, с. 72]. В работе «Общий смысл искусства» Соловьёв рассуждает также о том, что «вещественное бытие может быть введено в нравственный порядок только чрез своё просветление, одухотворение, т.е. только в форме красоты... и красота, таким образом, нужна для исполнения добра в материальном мире, ибо только ею просветляется и укрощается недобрая тьма этого мира» [12, с. 76]. Более того, для Соловьёва сам мировой процесс, начатый природой и продолжаемый человеком, наиболее явно представлен «именно с эстетической стороны, как разрешение какой-то художественной задачи» [12, с. 74].

Вл. Соловьёв не остался в стороне от современных ему споров между сторонниками так называемого «чистого» искусства или «искусства для искусства» и его противниками. Первые, на его взгляд, были причастны к так называемому «эстетическому сепаратизму», тогда как вторые, согласно Соловьёву, способны были дойти до полного абсурда, ожидая от искусства даже материальных выгод — потребовать, например, по его едкому замечанию «от поэзии печных горшков» [13, с. 91].

Такие подходы к пониманию искусства Соловьёв назвал противоположными крайностями, а ситуацию подобного противостояния охарактеризовал как необходимость «одну неправду уравнивать другую» [13, с. 91].

Позиция самого Соловьёва по этому вопросу определяется тем, что его эстетические воззрения органично вплетены в основную тему всего его творчества, ставшую также ведущей и в философских учениях его последователей: тему всеединства. В равной степени неотделимы от эстетических концепций философов Серебряного века софиологическая установка и идея Богочеловечества. Богочеловечество есть целостный духовный организм, объединяющий людей, через который Бог реализует свою творческую силу. Общечеловеческое единство в понимании Соловьёва — это душа мира, личность Софии — Премудрости Божией — творческого начала Универсума и вдохновительницы человеческого художественного творчества. Взаимосвязь учений о всеединстве, целостном знании, Софии и Богочеловечестве имеют лаконичное

выражение в формуле Истина, Добро и Красота, ставшей одновременно квинтэссенцией и своеобразной путеводной нитью для мыслителей русского религиозного ренессанса.

Подтверждение этому находим у В.В. Бычкова, отмечающего важную роль в культурной жизни России в XX в. богословской эстетики как своеобразной реакции на усиление деструктивно-кризисных явлений. «Крупнейшие религиозные философы и богословы — пишет он, — обратили своё пристальное внимание на эстетическую сферу. В православном мире это опиравшиеся на эстетику Вл. Соловьёва неоправославные мыслители П. Флоренский и С. Булгаков, философ Н. Бердяев и др. Ими, как мы помним, были разработаны такие фундаментальные для православной эстетики понятия, как софийность искусства (выраженность в произведении идеального визуального облика архетипа, его эйдоса), каноничность, современное понимание иконы как идеального сакрально-мистического произведения искусства, наделённого энергией архетипа, теургия и др.» [3, с. 39].

Вышесказанное даёт основание применять в отношении эстетической концепции Вл. Соловьёва, наряду с термином теургия, понятие софийность. Важным для обоснования этого понятия является то, что, будучи совершенной Личностью, Небесная София добровольно творит — живет в полном согласии с космической Нравственной Необходимостью любви и бескорыстного труда. В гносеологическом плане божественная София воплощает единство различных способностей нашего сознания и сфер духовного творчества. В Плероме божественной Софии праведное бытие, истинное знание и продуктивное творчество в принципе совпадают.

Видение Софии есть видение красоты Божественного космоса, а вместе с тем достижение цельной жизни — преображенного мира.

Для В. Соловьёва и его последователей, каковым, в первую очередь, является С.Н. Булгаков, обращение к софиологии значимо в свете рассмотрения проблемы достижения жизненного идеала — софийно преображенного мира. Булгаков обосновал необходимость «через формы культуры организовать падшее бытие и привести его к полноте и исполненности», к спасению мира и человечества, «возможность для человечества... привести материальный мир к идеально-божественному, совершенному состоянию» [6, с. 512].

В поиске путей преобразования мира Булгаков находит «софийные корни всех областей культуры». Так, софийное понимание им

различных видов культурного творчества означало, что «они перерастают свой формальный характер и становятся проводниками высшего начала, воплощением высшей идеи» [7, с. 382]. Связывая с человеческим творчеством гениальность, Булгаков называл ее «высшим Я» в человеке и определял как «реальную, существенную причастность к Софии», «софийный луч». Предназначение человека к свободе и творчеству для Булгакова, в первую очередь, означало поиск самого себя, своего собственного «вечносущего лика» [1, с. 380–381].

Отводя культуре первостепенную роль в преобразовании мира, Булгаков различал определенную иерархию ее форм. Здесь он воспользовался основным положением платонизма, в соответствии с которым «истина открывается только любви, эротическому безумию, экстазу» (диалог «Пир»).

Искусство, по мнению философа, более непосредственно, чем наука и философия знает Софию, — «София открывается в мире как красота, которая есть ощутимая софийность мира» [1, с. 356]. Отсюда явствует исключительное значение искусства, его иерархическая высота. В красоте природы, равно как в созданиях искусства, как считал мыслитель, предвосхищается преображение мира, «явление его в Софии». В искусстве красота, являющаяся «преображающей, софиургийной силой», пробуждает и поддерживает «софиургическую тревогу» человека.

Разрабатывая свою теорию всеединства, Соловьёв отталкивается от положения, согласно которому природа человека представлена тремя основными формами бытия: чувством, мышлением и деятельной волей. Чувство имеет своим предметом объективную красоту, мышление объективную истину, а воля — объективное благо. Из этих факторов первым непосредственным началом общественной жизни Соловьёв признает волю. Анализируя эту часть учения Соловьёва, Мочульский писал, что человек, в первую очередь, направляет на внешнюю природу свою волю для получения средств к существованию, поэтому первым аспектом воли является экономическое общество, или семья. Во-вторых, «воля, определяющая отношения людей друг к другу, порождает общество политическое, или государство. Его естественный принцип есть законность или право» [14, с. 107].

Однако, по убеждению Соловьёва, человек не ограничивается только материальным существованием и совокупностью правовых отношений. «Он хочет ещё абсолютного существования — полного и вечного» [14, с. 258]. Именно оно есть «истинное верховное благо, summum

вопие». Материальные и формальные блага служат только средствами для его достижения. «Воля, обращённая к Богу, стремящаяся к высшей цели — вечной и блаженной жизни, создаёт духовное или священное общество — церковь» [14, с. 257].

Таким образом, Соловьёв выявляет три основные формы общественного союза, связанные с волей человека и с его стремлением к объективному благу: экономическое общество — имеет материальное значение; политическое общество — отличается административно-упорядоченным характером и, наконец, общество духовное, имеющее всецелое, или абсолютное значение. «Первая есть внешняя основа, вторая — посредство, только третья есть цель» [14, с. 259].

Мышление, согласно Соловьёву, также может быть рассмотрено в трех аспектах: знания фактического, формального и абсолютного. Эти аспекты представлены положительной наукой, философией и теологией, центральными элементами которых являются соответственно: реальный факт, общая идея и абсолютное существо. Настоящая истина, по убеждению Соловьёва, составляет предмет теологии и определяется независимым от внешней реальности и от человеческого разума «абсолютным первоначалом всего существующего». «Только это начало сообщает настоящий смысл и значение как идеям философии, так и фактам науки, без чего первые являются пустой формой, а вторые — безразличным материалом» [14, с. 260].

В равной мере и в сфере красоты Соловьёв усматривает три составляющих: 1) материальное творчество — техническое художество, 2) эстетическое творчество — изящное художество и 3) творческое отношение к трансцендентному миру — мистику.

Подчеркивая утилитарный характер материального творчества, Соловьёв показал, что идея красоты служит исключительно украшением, а творческое чувство направлено непосредственно на низшую, то есть внешнюю природу. Если определяющее значение отводится эстетической форме — форме красоты, выражающейся в чисто идеальных образах, то, согласно Соловьёву, имеет место изящное художество, существующее в четырех формах: ваение, живопись, музыка и поэзия. Хотя его предмет это исключительно красота, но красота художественных образов — это еще не всецелая красота, поскольку «эти образы, идеально необходимые по форме, имеют лишь случайное, неопределенное содержание» [14, с. 262].

В истинной, абсолютной красоте, согласно Соловьёву, содержание должно быть «определённым, необходимым и вечным». Истинная, цельная красота, именуемая мистикой, может находиться только в трансцендентном мире, то есть «в идеальном мире самом по себе, мире сверхприродном и сверхчеловеческом» [14, с. 263].

В западноевропейской культуре Соловьёв различал три исторических периода в сфере творчества. Так, в средние века все было подчинено мистике. С эпохи Возрождения первенствует изящное художественное искусство. «В наш век наступило третье господство — технического искусства, чисто реального и утилитарного». Давая общую характеристику современному ему искусству, Соловьёв считает, что оно превратилось в ремесло. «Итак, экономический социализм в области общественной, позитивизм в области знания и утилитарный реализм в сфере творчества — вот последнее слово западной цивилизации». Но это, по убеждению Соловьёва, не последнее слово общественного развития. «Западная цивилизация по общему своему характеру представляет только второй, переходный фазис в органическом процессе человечества, а для полноты этого процесса необходим третий» [14, с. 280], неотвратимо ведущий человечество к обращению на новом уровне к божественному миру; определяющую роль здесь должен сыграть русский народ, Россия.

Третий период мыслится философом как общество реализованного, осуществленного всеединства, красота при этом оказывается божественной силой и одновременно критерием степени воплощения предвечных идей, и их совокупности — «всемирной идеи», т.е. реализации божественного замысла творения мира. О правомерности подобных убеждений свидетельствует красота природы, которая уже «есть воплощение идеи»; «красота есть идея действительно осуществляемая, воплощаемая в мире прежде человеческого духа» [10, с. 59] — от него не зависима и, следовательно, — она объективна.

Для осуществления идеальной красоты, с точки зрения Соловьёва, необходимы два условия: «1) непосредственная материализация духовной сущности и 2) всецелое одухотворение материального явления, как собственной неотделимой формы идеального содержания». Собственно красота и является свидетельством нераздельности духовного содержания и чувственного выражения. Материя в красоте делается причастной бессмертию идеи.

Первенствующее значение среди основных сфер общечеловеческого организма Соловьёв отдаёт творчеству, в самой сфере которого первое место занимает мистика. Следовательно, «последняя и имеет значение настоящего верховного начала всей жизни общечеловеческого организма» [14, с. 259], поскольку именно в мистике жизнь находится в непосредственной связи с божественной действительностью абсолютного первоначала.

Мистика и искусство действительно имеют много общего. Так, в основе обоих лежит не деятельная воля или познание, а чувство; в качестве главного средства и то и другое имеют воображение, или фантазию, а не внешнюю деятельность и не размышление и опираются они на «экстатическое вдохновение», а не на «спокойное сознание» [11, с. 152]. Так что в сопоставлении мистики и искусства нет ничего неожиданного, как это может показаться на первый взгляд.

Таким образом, мистика для Соловьёва находится на самой высокой ступени творчества и вообще человеческой деятельности; мыслитель убежден, что мистика, благодаря ее непосредственной близости к божественной сфере, «не только сама обладает безусловною ясностью, но и все другое она одна только может сделать ясным». В истинности этих идей о мистике молодого русского философа убеждают его философские кумиры Шопенгауэр и Гартман [3, с. 114].

Сформулированное Соловьёвым понятие цельной жизни означает ответ на вопрос о цели существования или смысле жизни как достижении ценностного бытия и софийного преобразования мира на основе принципа всеединства. При этом человек свободно, на основе собственных знаний (теософии), разума и веры придет к осознанию, что он сотворен именно для того, чтобы своими собственными руками реализовать последнюю идею космического творения — окончательно организовать действительность в соответствии с божественным замыслом. «Эту задачу я определяю как задачу искусства, элементы её нахожу в произведениях человеческого творчества, и вопрос об осуществлении истины переносу таким образом в сферу эстетическую» [13, с. 95]. Эстетическое в такой трактовке приобретает отчасти прагматический смысл. Однако теургия, в отличие от материального или технического творчества, понимается Соловьёвым как искусство, в его наивысшем предназначении, отвечающем высоким идеалам, далеко от чистого практицизма, жизненной прозы [4, с. 6]. Как нигде более, здесь уместен афоризм Ф.М. Достоевского о спасении мира красотой.

Известно, что в своем учении об Абсолюте как «всеединстве» и «порождении Абсолютом своего другого» Соловьёв «вдохновлялся покровившими его с юности учениями Спинозы и Шеллинга» [5, с. 35]. Как писал Мочульский, «у Спинозы Соловьёв нашёл философское обоснование своей первоначальной интуиции, духовного всеединства мира» [9, с. 74].

О влиянии Шеллинга и Спинозы на метафизику «всеединства» Соловьёва обращает внимание и Зеньковский, анализируя «Философские начала», и, отметив, что «именно всеединство должно ответить на вопрос о смысле человеческой жизни» [8, с. 21], Зеньковский замечает, что наличие подобного влияния убедительно показал кн. Е. Трубецкой в своей книге о Соловьёве [8, с. 104]: «Это касается даже богословия у Соловьёва, а тем более его метафизики и эстетики» [15, с. 27]. Наконец, С. Булгаков, полагая, что в философской системе Соловьёва прослеживается определенная аналогия с натурфилософскими идеями Шеллинга, находил, что близость их учений «чрезвычайно велика, больше, нежели это до сих пор констатировалось» [2, с. 106].

В свою очередь, сам Шеллинг указывал на «пантеизм Спинозы и его предшественника Бруно» как на источник своего учения о всеединстве, что выявлено П.Гайденко в ходе исследования наследия В.С. Соловьёва [5, с. 71]. Углубляясь в историю этого понятия, Гайденко обнаружила, что оно восходит к Николаю Кузанскому с его пониманием Бога как всеединства.

Соловьёву не представлялся убедительным чисто эстетический взгляд на проблему смысла, согласно которому он сводится к величию и красоте, как считал И. Кант. Основная идея Соловьёва состояла в том, что смысл соответствует силе и красоте, но не отвлечённо взятых, а обусловленных добром. Е.Н. Трубецкой, размышляя над известной триадой В.С. Соловьёва, писал, что добро, истина и красота — это различные аспекты чего-то единого безусловного, чего ищут все. «Истина, которой ищет философия, обладает характером безусловности. Но так же точно правда, безусловная и всеобщая, есть искомое всех религий; так же точно безусловное как красота, есть то, чего ищет человеческое искусство» [15, с. 108].

По убеждению Соловьёва, всеединство должно послужить идеалом и нормой всей жизни. Практическим осуществлением этого идеала явится целостная жизнь, то есть мир, собранный воедино, ставший цельным в Абсолютном. Тот же, по выражению Трубецкого, великий синтез

должен решить задачу цельного творчества, или свободной теургии. «В нём единство безусловного содержания существующего должно явиться как красота» [15, с. 112].

Еще одним важным моментом в философской системе В.С. Соловьёва является существование идеальной интуиции, которое он доказывается фактом художественного творчества. Идеальные образы, воплощаемые в произведениях художника, — это не воспроизведение явлений действительности, равно как и не общие понятия. Они являются умственному взору разом, «в своей внутренней целостности и работа художника сводится только к их развитию и воплощению в материальных подробностях» [14, с. 318]. Особенность умосозерцаемой идеи та же, что и у художественного образа, считает мыслитель, а именно — «внутреннее соединение совершенной индивидуальности с совершенной общностью, или универсальностью» [14, с. 318]. В.В. Зеньковский подчеркивал, что В.С. Соловьёв «под явным влиянием Шеллинга, признаёт реальность и доступность всем “идеальной интуиции”, как непосредственного “умозрения идеи”, точнее говоря, непосредственного созерцания Абсолюта в его “сущности”» [8, с. 31]. Как и художество, истинное познание основывается на умственном созерцании. Но, в отличие от искусства, философия имеет своим предметом не отдельную идею, «а весь идеальный космос, то есть общую совокупность идей в их внутреннем отношении или взаимодействии, как объективное выражение истинно-сущего» [14, с. 319].

Выявляя причину возможности умственного созерцания, Соловьёв приходит к выводу, что имеет место внутреннее действие на человека существ идеальных, или трансцендентных. Аналогично, поясняет он, действительное познание о внешних явлениях зависит от действия на людей внешних существ или вещей. И явления, и идеи имеют своих собственных субъектов, и «действие этих субъектов производит в нас как чувственное познание явлений, так и умственное познание идей» [14, с. 320]. Действие на людей идеальных существ, уверен Соловьёв, производит умосозерцательное познание и творчество и называется вдохновением. «Это действие выводит нас из обыкновенного нашего натурального центра, поднимает нас на высшую сферу, производя, таким образом, экстаз». Таким образом, Соловьёв оценивает вдохновение как «действующее или непосредственно определяющее начало истинно философского познания» [14, с. 321].

Итак, начиная с Вл. Соловьёва русская философия в целом приобрела специфические черты и качества, превратившись в уникальное культурное явление. Данные особенности нашли свое выражение и в философских размышлениях о прекрасном, о творчестве, о гениальности и искусстве, прежде всего в том, что эстетика В.С. Соловьёва и его последователей может быть названа теургической, софийной или софиургической.

Примечания:

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1993. С. 49–311.
2. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Фолио, 2001.
3. Бычков В.В. Эстетика: Учебник. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
4. Виноградова Е.В. Теургическая эстетика Вл.Соловьёва // Соловьёвские исследования. Журнал № 4 (24). Ивановский государственный энергетический университет. Иваново, 2009. С. 4–15.
5. Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М., 2001. 472 с.
6. Евлампиев И.И. История русской философии. М.: Высшая школа, 2001. 577 с.
7. Зандер Л.М. Бог и мир: Миросозерцание отца Сергия Булгакова. Париж: YMCA-PRESS. 1948. Т. 1. 479 с.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Наука, 1990.
9. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995.
10. Соловьёв В.С. Красота в природе // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 30–73.
11. Соловьёв В.С. Критика отвлечённых начал // Соловьёв В.С. Собрание сочинений и писем в 10 т. Изд. 2-е. Т. 2. СПб., 1873–1877.
12. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства. // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 73–90.
13. Соловьёв В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьёв В.С. Литературная критика. М., Современник, 1990, С. 90–99.
14. Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В.С. Собрание сочинений в 15 т. Т. 1. М., 1992.
15. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С.Соловьёва. М., Медиум, 1995.
16. Кармин Н.А., Абрамов А.И., Любимова Т.Б. Русская религиозно-идеалистическая эстетическая мысль // [Электронный ресурс]. URL: http://biblio.com/BIBLIO/archiv/kormin_russkayareligioznoidealistscheskaya/ (дата обращения: 14.08.2019).